

МИКРОРЕФЛЕКСИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРСОЗНАНИЯ¹

А.В. РОССОХИН

В статье представлена иллюстрация применения разработанного автором эмпирического метода микрорефлексивного анализа психоаналитического процесса на материале двух психоаналитических сеансов. Демонстрируются возможности метода в исследовании рефлексивной и полилогической активности субъекта. Обсуждаются последствия в случае использования метода микрорефлексивного анализа самим психоаналитиком или независимым экспертом. Высказывается мнение о вероятности проведения количественных исследований на основе описываемого метода, а также о его потенциале для оценки эффективности как психоанализа, так и психотерапии.

Ключевые слова: метод микрорефлексивного анализа, психоанализ, рефлексия, регрессивная динамика, полилог.

Эмпирический метод микрорефлексивного анализа основывается на разработанных нами теоретических представлениях о процессах терапевтического рефлексивного расщепления Я пациента и аналитического рефлексивного расщепления Я психоаналитика [Россохин, 2000]. Эти два важнейших рефлексивных процесса порождают различные виды взаимодействующих друг с другом внутренних полилогов пациента и аналитика, разворачивающихся в ходе внешнего психоаналитического диалога. Формирующееся в ходе психоаналитического процесса интерполилогическое пространство, в свою очередь, оказывает влияние на развитие рефлексивной активности.

Разрабатываемый нами рефлексивно-ориентированный подход к внутренней работе в измененных состояниях сознания (ИСС) в ходе психоанализа позволяет теоретически и эмпирически исследовать то, каким образом субъект становится способным самостоятельно осуществлять рефлекссию нерефлексивного, приобретать новый рефлексив-

---

¹ Исследования проведены при финансовой поддержке РГНФ.

ный опыт, порождать новые собственные смыслы, формировать новые рефлексивные стратегии и способы внутреннего диалога. Что дает субъекту действительную возможность внутреннего выбора: между старым ригидным и новым, возникающим в анализе, отношением к себе? Что позволяет сделать действие Я менее автоматическим и навязчивым?

В данной статье мы хотели бы показать пример применения *метода микрорефлексивного анализа* в исследовании рефлексивной и регрессивной динамики психоаналитического процесса и динамики терапевтического рефлексивного расщепления Я субъекта. Метод микрорефлексивного анализа психоаналитического процесса является качественным эмпирическим методом и состоит в выявлении тех моментов, когда проявляется терапевтическое рефлексивное расщепление у пациента, моментов активизации рефлексивного и регрессивного Я пациента, в анализе взаимного влияния рефлексивных и полилогических процессов пациента. С помощью этого метода анализируется также динамика аналитического рефлексивного расщепления у психоаналитика, участие психоаналитика во внутреннем полилоге пациента, влияние внешнего диалога на различные аспекты внутреннего полилога пациента.

Микрорефлексивный анализ интерсознания г-на Ш. (на материале двух психоаналитических сеансов)

Материалом для исследований служили транскрипты двух психоаналитических сессий г-на Ш. с одной и той же центральной темой. Первая сессия состоялась на двенадцатом месяце психоанализа, вторая — через шесть месяцев после первой.

Транскрипты психоаналитических сеансов содержат живую, «непричесанную» речь пациента, погруженного в регрессивные ИСС. Наличие речевой неопределенности, множества вводных слов, непоследовательностей, сбивчивость, обрывки фраз, неправильные грамматические конструкции отражают как само регрессивное ИСС, так и свернутые полилогические внутренние процессы. Многоточие фиксирует микропаузы.

Сеанс № 1

Ш.: Я вчера посмотрел программу про взаимоотношения полов... просто у меня сейчас перед глазами одна *реплика* девушки, когда она там встречалась с певцом, потом она крутила ему мозги: то она его *любит*, то она от него *уходит*, то она с кем-то встречается, то она ему *обратно* звонила. И он в нее влюбляется, он ей как бы прощает, в итоге там у него *срыв*, он там уходит в алкоголь и прочее. И с ней брали интервью, она говорит что-то. Она такая симпатичная, такая мордашка у нее

видная, такие *волосы*, ну она такая вот, вот, а в смысле жизненном она плохая, вернее, женская позиция на сто процентов...

Несмотря на кажущуюся монологичность текста, мы видим здесь разворачивание скрытого внутреннего диалога между Я и значимым Другим. За образом актера скрывается Я пациента, за образом девушки — значимая женская фигура. Спустя год после начала психоанализа мы снова встречаемся с тем же внутренним женским объектом (сравните: «достаточно симпатичная, причём волосы... красивые...» (начало терапии). Пациент совершенно не осознает проекции своих внутренних конфликтных взаимоотношений в рассказываемой им истории отношений девушки и певца. Происходит свободное ассоциативное самовыражение его регрессивного Я.

П.: Угу.

Психоаналитик следует за ассоциативным процессом пациента, не вмешиваясь в него, чтобы дать бессознательному пациента больше внутреннего пространства для самовыражения посредством проекции.

Ш.: Она проговаривается, да, я такая непостоянная, вот да, я такая соблазняющая и уходящая и вот я такая вся такая... почему-то у меня эта позиция в большей степени отождествляется с женской сущностью. Очень часто видишь вот эти крайности, очень трудно какую-то смесь или середину увидеть в человеке, когда можно увидеть другой как бы образ человека, ну или женщины, когда она незэмоциональна и очень автономна, функциональна, не говоря уже меркантильна.

Продолжающийся ассоциативный процесс приоткрывает новый материал для рефлексии. Защитное (а не наблюдающее) рефлексивное Я пациента выходит из тени в тот момент, когда он произносит: «Она проговаривается». Он с неискрываемым удовольствием «ловит и раскрывает» ее (расшифрую: «женская сущность — это соблазнение и непостоянство»). Ригидная рефлексия пациента, состоящая на службе у его защит, говорит ему, что любая женщина («сущность») плохая и опасная, так как несет мужчине боль.

Однако в следующий момент появляется терапевтическое рефлексивное расщепление. Наблюдающее рефлексивное Я пациента дистанцируется от переживаний регрессивного Я: «Часто видишь крайности... трудно увидеть другое». Мы замечаем здесь пока еще слабое пробуждение аналитической рефлексии: признание внутренних проблем, понимание защитного способа их решения («от одной крайности к другой») и желание, но бессилие что-либо изменить («трудно»).

Взятая рефлексивная дистанция в отношении «плохого, страстного» женского образа освобождает место для ассоциативного проявления дру-

гой «крайности» — «неэмоционального... функционального» образа женщины. Это второй важный образ значимого Другого во внутреннем диалоге пациента.

Психоаналитик (его аналитическое рефлексивное Я) при этом размышляет о двух крайних материнских образах во внутренней реальности г-на Ш. и о полилогических взаимоотношениях с ними регрессивного (детского) Я пациента.

П.: Соблазняет и бросает.

Психоаналитик решает привлечь внимание как рефлексивного (побуждение к размышлению), так и регрессивного (побуждение к ассоциированию и дальнейшему регрессу) Я к «эмоциональному» женскому образу.

Ш.: Ну, это реальная ситуация... реальная история... я понял... я просто попытался, знаете, на его позицию встать, а он сам певец, а нет, он актер тоже сам... (пауза).

Спротивление мгновенно возросло: расшифрую: «Это не имеет отношения к моему внутреннему миру, это — другая реальная история». Но спустя несколько секунд появляется рефлексия («Я понял»). Пациент здесь еще далек от осознания, что он «не встал в позицию певца», а, напротив, проективно наделил певца своими переживаниями. Однако небольшой пробивающийся из-под защит росток рефлексии здесь все-таки присутствует. Говоря о певце, г-н Ш. два раза употребляет слово «сам»: «сам певец... актер тоже сам...». Мы не можем понять явного смысла употребления этого слова в этом коротком фрагменте. Скрытый смысл следующий: «Певец — это я сам».

П.: Угу.

Ш.: У нее такие шальные глаза, он как бы в них влюбился и по уши, и она вроде с ним как-то пожила, потом ушла, он почувствовал себя брошенным потом. А в его словах, он был готов жизнь за нее отдать и отдать все, и тут его бросили и все прочее. Я уж не знаю, что здесь. Здесь не просто, наверное, тяга к женскому, еще что-то там примешано... (пауза).

Продолжается ассоциативное выражение переживаний регрессивного Я. Терапевтическое расщепление включается в момент дистанцирования от этих переживаний и рефлексивной постановки волнующего пациента вопроса: «Я уж не знаю, что здесь?». Пациент продолжает размышлять о себе, прячась за образ певца. Эта пассивность рефлексии помогает ему продолжить ассоциации, неосознанно чувствуя себя в безопасности. Если бы аналитик преждевременно внес результат своей рефлексии в диалог с пациентом (например, так: «Посредством певца вы говорите о себе»), он с большой вероятностью оказал бы негативное воздействие на пациента. Последний понял бы, что «проговорился» (как девушка из его рассказа) и

пойман аналитиком. Вместо усиления рефлексии он неосознанно активизировал бы свои защиты («закрылся»).

Проекция своих переживаний на образ певца помогает пациенту продолжить как свои ассоциации («тяга к женскому»), так и рефлексии («что-то там еще примешано»).

П.: Угу.

Чувствуя, что процесс развивается, психоаналитик поддерживает его свободное течение простым поддерживающим обозначением своего присутствия.

Ш.: Пришло в голову... такое уж совсем... возьмите меня всего... и я вам... только принадлежите мне... что-то такое... (пауза).

«Такое уж совсем» — пациент удивлен тем, что ему пришло в голову. **Удивление** — один из первых и верных показателей появления рефлексии. Нужно взглянуть на вещи со стороны, чтобы удивиться. Когда ты целиком внутри переживания, тебе все ясно и ничто не удивляет. Благодаря ассоциациям регрессивного Я мы узнаем, что «там еще примешано, кроме тяги к женскому»: «возьмите меня всего целиком», «я вам...» (я добавляю: «принадлежу»), но «только принадлежите мне».

«Тяга к женскому», тем не менее, полностью не исчезает и продолжает скрыто присутствовать в инвертированной форме в виде скрытой пассивной (женской) сексуальной позиции: «Возьмите меня всю». Однако то, что «примешано», — это самое глубокое, внезапно открывшееся для аналитика, но продолжающее оставаться бессознательным для пациента желание его регрессивного Я — полное слияние с женской фигурой — «целиком и полностью принадлежать друг другу». Подобное (физическое и психическое) слияние во внешней (не во внутренней) жизни возможно только в двух случаях: полное слияние матери и младенца и слияние женщины и мужчины в момент сексуального оргазма. Психоаналитик начинает понимать, что к «тяге к женскому (сексуальному)... еще примешана» страстная (регрессивная) тяга к слиянию с матерью, к возвращению в младенческое состояние **всемогущества**. Здесь психоаналитик вспоминает, что пациент уже упоминал об этом **всемогуществе** ранее²: «это (вторжение) может привести меня к гибели... потере **всемогущества**... целостности... вторжение может... мне навредить». Собственный поток ассоциаций и его рефлексия приводит аналитика к пониманию того, о каком угрожающем вторжении идет речь в дискурсе пациента. Это вторжение сексуальности: его собственных сексуальных фантазий и желаний; сексуальных желаний отца, отрывающего мать от ребенка и разрывающего тем самым

---

² В более ранних сессиях.

их целостную монаду; сексуальных желаний матери, предающей ради них единство с ребенком.

П.: Что это Вам напоминает?

Следуя своим описанным выше ассоциациям и результатам их рефлексии, аналитик решает побудить пациента к дальнейшей регрессии и воспоминаниям. Одновременно таким образом сформулированный вопрос — это также и скрытое побуждение к рефлексии (расшифрую: «Есть ли что-то в прошлом, что вы можете **повторять** сейчас?»).

Ш.: Ну все эти реакции и все эти такие состояния, они не очень рационалистичны, то есть они не от головы идут, это точно, ну, вернее, не от сознательной части. То есть понятно, что здесь игра вот какая-то детская, которая вот на взрослом уровне, но это может быть красиво, может быть как раз сюжетом для романа или для такой... (пауза).

Осознавая бессознательный характер повторения «детской игры» во «взрослой» жизни, пациент, тем не менее, не решает сделать следующий шаг — подвергнуть рефлексии сами эти «детские» переживания, ставшие взрослой повторяющейся игрой. Вместо этого пациент идет по защитному пути превращения переживаний и рефлексии в «игру» — вместо того, чтобы чувствовать и размышлять, лучше «писать роман».

П.: Детская игра на взрослом уровне: «Возьмите меня всего, только принадлежите мне».

Психоаналитик решает поддержать рефлексивное Я пациента и подтолкнуть его к ассоциациям и размышлению относительно влияния инфантной фантазии о слиянии с матерью на взрослую жизнь пациента.

Ш.: Может.. (долгая пауза). Ну это на самом деле... это мечта о семье его была, его мечта о... наверное, увидел человека, с которым ему хотелось быть всегда вместе и, не давая, на самом деле отказываясь от своей свободы в каких-то отношениях или в своих интересах... Ну я почувствовал... что, хотя не важно, что там в реальности, с ее стороны... и в то же время позиция его... догоняющая, то есть он в позиции как бы встающего на колени, и добивающегося, и прощающего, и такого страдающего... ну это вот в реальности по сюжету у него так и было, а у нее это было некоторое, наверное, подтверждение ее значимости, подтверждение ее *могущества*, ее соблазнительности, власти, наверное. Вот, агрессивная женская сексуальность, почему она пугает, может быть, я не знаю. Просто во мне, наверное, нет отклика на это, то есть в нем-то точно он был, увидел такую, и все, больше ничего не надо... (пауза).

Здесь мы видим один замечательный момент. Продолжающиеся проективные ассоциации пациента (с возрастом частоты употребления местоимений: «он, его, ему») внезапно прерываются появлением Я. Слова «я по-

чувствовал», разбивающие проективный текст на две части, как раз и являются ключевой, подтверждающей реальность описываемых пациентом от лица певца переживаний не для прошлого, а в настоящем — «здесь и сейчас». Пугаясь осознания этих чувств, пациент снова их отрицает («во мне, наверное, нет отклика на это»), но в этом случае появляется сомнение («наверное»), указывающее на имеющийся рефлексивный потенциал (скажу за него: «А если во мне есть отклик на это, то о чем это говорит?»).

В дискурсе пациента оживает внутренний диалог «отказывающегося от своей свободы», «догоняющего», «встающего на колени», «добивающегося», «прощающего», «страдающего», регрессивного Я и «значимого», «могущественного», «соблазнительного», «властного», «агрессивно сексуального» образа Женщины.

П.: Все-таки Вы говорите: «Детская игра на взрослом уровне». Что здесь из детского? Какие у Вас фантазии?

Аналитик снова пробует побудить регрессивное Я пациента к воспоминаниям и фантазиям. Пациент неосознанно сопротивляется, так как начать вспоминать и связывать прошлые переживания с настоящими означает признаться себе, что речь идет не о певце, а о нем самом. Спонтанным вопросом «Какие у Вас фантазии?» аналитик, также неосознанно для себя, обращается за помощью напрямую к бессознательному пациента.

Ш.: Детского... так, не знаю... (пауза)... мальчик или ребенок тянется к матери, ведь он хочет, чтобы мать ему принадлежала, и он хочет ее внимания и в то же время он хочет ее контролировать, ее, в каком-то смысле ее подчинять себе... (пауза)...

Попытка удастся, начинает разворачиваться внутренний диалог — появляются разнородные смысловые позиции.

П.: Чтобы она не ушла.

Психоаналитик, встраиваясь в разворачивающийся внутренний диалог на стороне регрессивного Я пациента и создавая тем самым эмоциональную общность с ним, вносит в диалог уже присутствовавший ранее в дискурсе пациента смысл (бросающая певца девушка). Этим он создает условия для возникновения у пациента терапевтического рефлексивного расщепления (чувствовать и размышлять) и стремится помочь пациенту осознать и дифференцировать возникающие чувства с позиции уже рефлексивной общности между наблюдающим Я пациента и аналитическим Я психоаналитика.

Возникающая эмоциональная общность (между регрессивным Я пациента и эмпатическим Я аналитика) позволяет психоаналитику, с одной стороны, лучше чувствовать (эмпатическое Я) то, что переживает пациент и, с другой стороны, разделять эти чувства с пациентом, помогая ему справиться с ними и формируя у пациента способность выносить болезненные пе-

реживания. Другими словами, аналитик одновременно сливается (чувства) с пациентом как мать и отделяет его от матери как отец (рефлексия).

Ш.: Да, в этой фантазии он... (пауза)... он зависим, потому что он в этом отношении очень зависим от чувства, в зависимости, так скажем... (долгая пауза)...

П.: Угу.

Ш.: То есть он... он уже не знает как обойтись без нее... как жить без нее, как быть счастливым, потому что он оказывается не нужным тому, кого он любит, от кого чувствует сильную зависимость... Допустим, мать сидит с отцом, она к тебе не приходит, когда ее зовешь, и в речи у нее особенно как-то может быть и занимается тобой, но занимается недостаточно... (пауза). *Я начал думать... я, может быть, как-то защищаюсь от этого чувства зависимости, может быть я как-то...* Мне трудно сделать сравнительный анализ и поскольку я ни с кем особенно... я не могу говорить на эти темы, сколько, насколько это типично для других, насколько... мне кажется это очень типично, все эти переживания на детском уровне, они всем свойственны. А, может быть, все дети проходят через формирование уже независимости, освобождения от этого, такого уж сильного *чувства привязанности к матери* и уже идут, воспитывают собственные интересы, их Я вырастает в конечном итоге. А... но... если вообще говорить о чувствах, мы же должны, не знаю, немножко забыть о том, что есть Я, есть свои представления о том, что должно быть, что правильно, что неправильно. И в каком-то смысле *стать детьми*. И если бы, например, я *посмотрел на себя со стороны* и спросил, вот какое впечатление я произвожу, наверное, я был в итоге не очень ласковым ребенком в отношении к матери. То есть хотя это вот мое ощущение, у людей может быть другое ощущение, потому что она мне говорила, что я, что мы были очень близки, да, что мы вместе гуляли, что я ей там все рассказывал и «ты помнишь, как я тебя водила в сад», «как я тебя водила обратно», как «воспитательница сказала это, потом это»... мы принадлежали друг другу... (пауза).

Реплика аналитика изнутри внутреннего диалога пациента запустила у него активный ассоциативный и рефлексивный процесс, приведший пациента к отказу от проективной защиты и признанию собственных переживаний, связанных с глубокой привязанностью к матери. С лингвистических позиций заметим, что засилье проекции («он, его, ему») резко поменялось на доминирование Я (местоимения «я, мне»). Эта внезапность, однако, только видимая. Изменение было подготовлено скрытой активизацией терапевтического рефлексивного расщепления, усилением рефлексивного Я и состоявшимся самовыражением регрессивного Я. Пациент позволил сво-

ему регрессивному Я устами «певца» выразить наиболее болезненные переживания. Когда длительно созревавший момент встречи рефлексии и прячущихся чувств настал, возникла пауза — та самая пауза, которая, как любит говорить А.Г. Асмолов, есть ворота, в которые врывается новый смысл. Этот новый смысл (переход от «он» к «я»), сопровождающийся осознанием и отбрасыванием защиты, состоит в узнавании и признании того, что скрывалось за защитой — болезненного чувства зависимости и появления желания — хочу быть свободным. Этот новый смысл привнес активизацию «новых» старых желаний и страхов, связанных с ними. Фантазия о проведении «сравнительного анализа» несет в себе следующий скрытый от рефлексии пациента смысл: «Если все дети обрели независимость от матери и при этом не погибли, а, напротив, вырастили свое Я и живут своими интересами, то, может быть, это возможно и для меня?». Внутренний сравнительный анализ заканчивается неозвученным, неотрефлексированным и оставшимся практически бессознательным коротким внутренним диалогом: «А... но...». Две невыраженные диалогические позиции, очевидным образом конфликтующие и противостоящие друг другу. О том, что прячется за «но...», мы узнаем, слушая пациента: «мы должны... забыть о том, что есть Я... и стать детьми». Я мог бы реконструировать скрытый диалог так: «Я хочу иметь свое взрослое Я, как другие, но я должен забыть, что Я вообще существует, и стать ребенком». Регрессивное Я снова выходит на первый план и свободно выражает себя. Благодаря этому мы узнаем, почему в скоротечном диалоге победило «... но...» и почему нужно отказаться от Я в пользу слияния с матерью. В уже развернутом **явно** внутреннем диалоге появляется образ слитой в одно целое монады — любящей матери и сына, всецело принадлежащих друг другу. За ним, однако, скрывается другой болезненный для пациента внутренний диалог: любящей матери и «неласкового ребенка». О том, что он «неласковый», пациент узнает путем своей рефлексии: «Я посмотрел на себя со стороны и узнал, что я неласковый». Это **рефлексия, состоящая на службе его регрессивного Я**. Фактически она говорит ему: «Мать все жертвует ради тебя, а ты хочешь освободиться от нее. Ты — плохой». Нерефлексируемое пациентом чувство вины за свою вызванную желанием отделиться (быть взрослым, а не «ласковым») агрессию по отношению к идеальной матери и блокирует его желание быть свободным и иметь свое, отдельное от матери, Я. В качестве компенсации пациент получает защитную инверсию ролей: теперь уже он всемогущий и значимый, а мать зависимая от него и беспомощная. Если он отделит(ся) мать, то она погибнет без него.

П.: У Вас **есть** фантазия, что мать принадлежала только Вам, а Вы принадлежали только ей. Но мы с Вами знаем, что, по крайней мере, по

ночам мать уходила к отцу и оставляла Вас одного. Возможно, Вы чувствовали при этом то же самое, что и певец, когда его женщина уходила к другим мужчинам.

*В этой сложной интерпретации есть несколько важных моментов. Посмотрим, как она работает. Первая реплика аналитика диалогически раздваивается — она обращена одновременно как к регрессивному Я пациента («Вы с матерью принадлежали друг другу»), так и к наблюдающему рефлексивному Я («у Вас есть фантазия...»), что означает побуждение к рефлексивной дистанции: пациент бессознательно верит в слияние с матерью, для его регрессивного Я это реальность, а не фантазия). Эта одновременная поддержка регрессивного и рефлексивного Я запускает у пациента процесс терапевтического рефлексивного расщепления, который еще больше усиливается благодаря второй фразе аналитика. «Мы с Вами знаем» — это то самое «мы», которое устанавливает рефлексивную общность между аналитической рефлексией психоаналитика и наблюдающей рефлексией пациента. Это приглашение вместе с аналитиком посмотреть на разворачивающиеся внутренние диалоги по-новому, поразмышлять о **возможной** связи детских переживаний с сегодняшними переживаниями пациента, рассказанными от лица певца.*

III.: (долгая пауза). Наверное, это самый большой конфликт в моей жизни, то, что я... не то, что боролся, я... может быть, от... ну я не... я скажу, как приходит в голову...

Долгое молчание пациента и аналитика обрывается прорывающимися, но продолжающимися оставаться предельно свернутыми и бессознательными конфликтными внутренними диалогами. Читая эти следы внутренних диалогов, мы видим борьбу между стремящимися вырваться переживаниями регрессивного Я и защитной рефлексией, блокирующей их возможный выход. Молчание аналитика дает возможность пациенту следовать своему собственному процессу внутренней работы. Если бы это был начальный период психоанализа, то защитная рефлексия скорее всего победила бы в этом внутреннем сражении. У пациента на тот момент еще не сформировалось бы новое наблюдающее рефлексивное Я, использующее аналитические способы размышления. В более ранних сессиях пациент хотел быть аналитиком не для лучшего понимания себя, а для избегания этого понимания. В разговоре с девушкой он использует вопрос «Что вам приходит в голову?» как защитный штамп. Пациент не обретает при этом внутренних аналитических функций, а имитирует псевдоаналитическое функционирование, идентифицируясь с образом всемогущего Другого (здесь — аналитика) из своих инфантильных внутренних диалогов.

Другая ситуация возникает теперь. К этому моменту новое наблюдающее рефлексивное Я пациента уже сформировалось и обрело определенную

силу. Поэтому во внутренний диалог между регрессивным Я и защитной рефлексией включается новое рефлексивное Я, черпающее силу в обретенном путем идентификации аналитическом функционировании: «Скажу как приходит в голову...». Это уже то, что принадлежит пациенту, а не аналитику — проявление полностью интроецированной и ставшей **личностной** аналитической позиции. В случае, если бы в напряженный момент аналитик не хранил молчание, а в той или иной форме выразил бы поддержку рефлексивному Я пациента, то он тем самым «ударил бы по рукам» его развивающемуся рефлексивному Я. Это фактически бы означало: «Только я могу здесь заниматься психоанализом, а не Вы».

Ш.: Я отказался от этой вот теплой связи с матерью, то ли я ее перелопатил во что-то другое, другое отношение к ней, противопоставил в какой-то момент, начал бороться с ней, потерял ее как дорогое, ну в общем-то горячо любимое, так... как очень любимого человека, с которым у меня были вот отношения, дарившие счастье. Но потом я все начал осознавать, что в этих отношениях много проблем, очень много доставляет мне боли, что это не..., что это источник моих страданий... и вот эта связь, действительно она стала, она стала другой... перестала давать счастье, потому что я действительно помню какие-то моменты, вот детский сад, или мы там сидим вдвоем, мною занимаются... причем отца я в этих ситуациях не вижу, то есть я... мне тяжело их вместе представить, чтобы они вдвоем вот там или мы втроем что-то делали. Вот... и... потом у нас не было уже возможности проводить время и о чем-нибудь говорить, и моя закрытость по отношению к ней тоже была какой-то мезью за то, что... она... не... ну, так скажем, не пошла за мной дальше, то есть за то, что она осталась с отцом и... навредила себе тем самым. То есть по ощущениям как будто вот так вот... по ощущениям, да.

П.: Угу.

Ш.: А она почему-то начала бить, начала мучить меня, начала... все общение свелось к каким-то бытовым темам: к там постигушкам, обедам, я как бы закрыл свою внутреннюю жизнь от нее. Я никогда не чувствовал, что она может и о своей жизни со мной поговорить, потому что у нее были и есть переживания, о которых она никому не рассказывает, я абсолютно в этом уверен. Вот это действительно, это действительно произошло, нереализованное, как бы вот... а... или, может быть, реализованное позже, сейчас вижу, я радуюсь нашим отношениям, принимая тот груз, которым они все-таки сейчас отягощены и, принимая как бы ее пессимизм, а...

(Сеанс заканчивается.)

Включившись в диалог, новое рефлексивное Я пациента ослабило защиты, позволив тем самым регрессивному Я «говорить все, что приходит в

голову». Мы видим достаточно свободно выражаемый поток детских переживаний, в котором на передний план выходят различные участники внутреннего полилога. Сначала слышен голос желающего стать независимым мальчика, который «отказался от... теплой связи с матерью...ее перелопатил в... другое отношение к ней... начал бороться с ней...». Его тут же перебивает голос, горюющий о потере: «потерял ее... очень любимого человека... счастье». В полилог вступает рефлексия: «Я все начал осознавать... что в этих отношениях много проблем... это источник моих страданий». И снова регрессивное Я: «Я действительно помню... мы сидим вдвоем, мною занимаются». Оставаясь реальным человеком и одновременно объектом в его внутреннем полилогическом мире, психоаналитик также участвует в этом разговоре. В следующий момент пациент, не осознавая этого, отвечает психоаналитику на его интерпретацию о присутствии отца: «Отца я в этих ситуациях не вижу... мне тяжело их вместе представить... чтобы они вдвоем...». Сразу за спонтанным появлением в полилоге фигуры отца в разговор вступает гневный мальчик, полный желания отомстить матери за предательство, за то, что она «не пошла за мной дальше, то есть за то, что она осталась с отцом». «То есть по ощущениям как будто вот так вот... по ощущениям, да» — скрыто спрашивает внутренний образ аналитика еще не до конца окрепшее рефлексивное Я пациента. Психоаналитик изнутри-извне решает ответить поддержкой: «угу» и пациент продолжает свой конфликтный полилог».

Сеанс № 2 (через шесть месяцев после сеанса № 1)

Ш.: (долгая пауза). Ну, Вы знаете, я бы все-таки хотел рассказать сон, который я видел... (пауза)... сон был такой, что я как бы пришел на сеанс и я вроде на кушетке, как всегда, но почему-то я вижу, как Вы **передвигаетесь**, и это было как бы не в Вашем офисе, а в квартире... (пауза).

Из первой реплики пациента «я бы **все-таки** хотел» мы узнаем, что во время долгой паузы у него происходил внутренний полилог-борьба: рассказать — не рассказать, размышлять о сне — забыть. Сон был о психоанализе и, следовательно, в этом внутреннем диалоге-борьбе участвовал и внутренний образ психоаналитика (возможно, неосознанно для пациента). Как воспримет психоаналитик этот сон? Что скажет? Не обидится ли? Чем это мне грозит? Возможно, эти вопросы не были отрефлексированы, но в любом случае скрыто присутствовали. Рефлексивное Я преодолело сопротивление защит, и мы узнаем о трансферентной направленности сновидения пациента. Трансферентные переживания пациента, вне зависимости от того, где они возникают — в сновидении или на кушетке — всегда связаны с проявлениями регрессивного Я, которое наделяет внутренний

образ аналитика чертами значимого Другого. В этом сновидении появляется квартира аналитика, что говорит о трансферентном интересе пациента к личной жизни аналитика.

П.: Угу.

Поддержка ассоциаций регрессивного Я пациента.

Ш.: И я смотрю, тут появляется какая-то девица, не знаю, откуда она взялась, моя знакомая. Я, когда ехал от Вас вчера, по-моему, была такая пивная акция, и там девушки такие были, с такими молотками дробильными и такими отбойными молотками, и они были в таких лайкровых, как их назвать?... По-моему, да, в таких трусиках, топах и совершенно обнаженные. Они с молоточками стояли и имитировали дорожные работы... (пауза)... да, вот во сне это было то же самое, правда, она была не так ярко одета, она была в каких-то простых... я рассматриваю, **смотрю**... что там все больше и больше обнаженного тела, стройные ноги такие... (пауза)... мне казалось, что она просто стала как-то **двигаться**, и я понял... ну, что там длинные ноги просто какие-то, какая-то красная юбочка у нее, топ, правда, закрывал всю верхнюю часть тела. И такой образ, сначала вроде это моя знакомая, потом образ какой-то стриптизерши, как будто она такой стриптизершей была...

Мы снова встречаемся с уже знакомым нам по ранним сессиям образом «сексуально агрессивной девицы». В потоке ассоциаций вокруг этого образа мы видим смешение фантазии и реальности («в таких трусиках, топах и — его фантазия дорисовывает реальность — ... совершенно обнаженные»), что и характеризует проявления регрессивного Я. После паузы, сначала подтверждая ассоциативную связь девицы во сне у аналитика в квартире и «обнаженных» опасных девиц с отбойными молотками («во сне это было то же самое»), пациент сразу же отказывается от этой связи: «Она была не так ярко одета, она была в каких-то простых...». Это не так пугает его, и он чувствует желание «рассматривать, смотреть» (подсматривать). Мы видим, как в этом фрагменте сессии женский образ раздваивается (скромный, простой и вызывающе сексуальный, возбуждающий) и пульсирует, проявляясь то одной, то другой стороной. На всем протяжении этого фрагмента рефлексия сохраняет пассивное состояние и не мешает свободному самовыражению регрессивного Я пациента.

П.: Угу.

Ш.: Я, когда смотрел на Ваше лицо, я смотрю... прямо такие огромные очки, такие вот, не знаю... раньше пенсионеры такие носили, сейчас уже другие очки носят, такие роговые оправы раньше носили, прямо совершенно какой-то такой взгляд... такой, такой... уставший, такой... больной уже, с таким... это самое, знаете... как ученый физик экс-

перимент какой-то проводит, так можно себе представить людей таких науковедов. То есть такой был контраст: очки вот и она такая, она не подошла, и я не подходил, потому что... я же, мне казалось, что я на сеансе нахожусь.

«Мне **казалось**, что я на сеансе нахожусь» — эта реплика пациента как нельзя лучше описывает то трансферентное ИСС, в котором он находится в этот момент. Фантазийное регрессивное Я целиком берет власть в свои руки. Фантазия и реальность меняются местами. Лежа на кушетке и рассказывая сон, пациент как бы говорит аналитику «здесь и сейчас»: «у меня есть фантазия, что я нахожусь на сеансе, но на самом деле я **сейчас** в Вашей квартире» или «у меня есть фантазия, что Вы — аналитик, но **на самом деле** Вы — больной, уставший пенсионер с очками в роговой оправе». Фантазийная трансферентная реальность регрессивного Я и есть в этот момент настоящая реальность г-на Ш.

Рефлексия пациента продолжает пребывать в пассивном состоянии, но аналитическое рефлексивное Я аналитика осуществляет внутреннюю работу. Аналитик вспоминает, как в самом начале рассказа о сне пациент сказал про аналитика: «Я вижу, как Вы **передвигаетесь**». Чуть позже оказалось, что двигается не аналитик, а девушка-стриптизерша: «она просто стала как-то **двигаться**». С другой стороны, он «рассматривает, смотрит» на двигающуюся девушку-стриптизершу и чуть позже говорит: «Когда я **смотрел** на Ваше лицо, я **смотрю**...». Рефлексия приводит аналитика к предположению, что фантазийный (трансферентный) образ аналитика во внутреннем полилоге пациента занимает три позиции: два женских (материнских) образа (целомудренный и развратный) и озабоченный, подсматривающий («огромные очки»), но больной и старый пенсионер-исследователь. Последний представляет собой кастрированный, а, следовательно, безопасный отцовский образ.

II.: Угу.

Не желая мешать ассоциативному процессу пациента, аналитик не выносит что-либо из результатов своей рефлексии во внешний диалог.

III.: Сексуальная такая поза, но не открыто сексуальная и уже такую в обычной жизни можно увидеть... (пауза)... я видел ее лицо, крупные глаза... лицо ее я не помню. Помню почему-то не загорелые, такие достаточно белые, очень красивые стройные ноги, которые заканчивались какой-то красивой обувью, но не яркой, не красной. Что-то такое было, может, как шторы ваши розовые... (пауза).

В своем внутреннем мире пациент наделяет аналитика одновременно и материнскими, и отцовскими характеристиками. Отец (строгий, заботящийся о соблюдении границ отец-аналитик) устранен, но даже, будучи

слабым, он продолжает скрыто присутствовать и сохраняет свою власть над детским Я пациента (проводя эксперимент (психоанализ), ученый-физик все видит в свой микроскоп (очки)). В своем внутреннем полилогическом пространстве, чтобы не показать отцу-аналитику своего сексуального желания и возбуждения, направленного на мать-аналитика, пациент избавляется от возбуждающего женского образа, оставляя более безопасный и недоступный (как розовые шторы в кабинете аналитика, на которые можно смотреть, но нельзя потрогать) женский образ.

II.: Интересно... Вы сначала дали предельно сексуально-агрессивный образ женщины-стриптизерши с отбойным молотком, но постепенно по ходу Вашего рассказа он начал изменяться на более скромный и недоступный.

Психоаналитик решает не торопиться с анализом переноса, чтобы дать возможность пациенту глубже его прочувствовать и прожить. Вместе с тем, не трогая перенос, он активизирует терапевтическое рефлексивное расщепление Я пациента («интересно...»), обращаясь к его наблюдающему рефлексивному Я и предлагая вместе поразмышлять о двух сменяющих друг друга женских образах.

III.: Это во сне, это же не я придумал, это все во сне было, то есть сначала она мне показалась немножко такой кукольной и такой... во сне было какое-то *преображение*... (пауза)... либо это мое восприятие было такое, что я смотрел и сначала одно почувствовал, потом я другое, когда присмотрелся... то ли мне показалось, что она... (пауза)... знаете, там перемены были не очень большие, я почему вспомнил этих девочек, которые стояли там с отбойными молотками, ну потому что это яркий образ, он запоминается, и потом я ехал от Вас, и вполне реально, что я из этой реальности в сон что-то перебрал и логично это. И потом... Я когда ехал неделю где-то назад, передо мной вот села прямо напротив меня в метро. Эта девушка была в таком розовом, нет, в таком желтом платье, достаточно открытое декольте было, допустим, юбка ниже колен и у меня была очень хорошая возможность ее рассмотреть, потому что она напротив меня сидела. Я так смотрю на нее, я чувствую, что, наверное, это мой идеал женской сексуальности. Она была, как сказать... вот что-то от Лолиты, но... уже года 23... (пауза).

Появилось терапевтическое рефлексивное расщепление. Регрессивное трансферентное Я продолжает свободно ассоциировать, но наблюдающее рефлексивное — союзник психоаналитика по рефлексивной работе — начинает постепенно активизироваться. Для того, чтобы рефлексивное Я вышло из тени, пациенту приходится немного вернуться к реальности — мы видим, что снова появляется реальный аналитик, который, однако, не вы-

тесняет с внутренней полилогической сцены продолжающие быть активными трансферентные фантазийные образы. Присутствие реального аналитика, что для пациента, в частности, означает присутствие аналитического рефлексивного Я, становится видимым через появляющиеся внешне диалогические обращения к нему пациента: «Это же не я придумал», «Знаете...», «Я ехал от Вас». Присутствие реального аналитика с его аналитической способностью размышлять активизирует наблюдающее Я пациента. Он начинает сомневаться, задавать себе вопросы, смотреть со стороны, размышлять. Это не мешает ассоциативному процессу развиваться в своем русле, и регрессивное Я раскрывает нам свой идеал женской сексуальности, ассоциирующийся с розовым цветом (первая ассоциация была высказана регрессивным Я, вторая («желтое») — рефлексивным Я, вспомнившим о реальном цвете платья девушки). Первое платье в жизни любой женщины имеет розовый цвет — в розовые пеленки заворачивают девочку-младенца. Розовый цвет — цвет девичества, девственности. Пациент, лежа на кушетке аналитика, видит розовые шторы. Розовый идеал женской сексуальности — это возбуждающая, как Лолита, но запретная (табу на инцест) девушка-девственница, на которую можно смотреть, но нельзя к ней приближаться (как к шторам аналитика). За этим идеалом прячется образ матери-девственницы, только в этой фантазии устраняется отец и его сексуальные отношения с матерью. Только в этом случае мать и ребенок могут всецело принадлежать друг другу. Вопрос: каким образом у матери-девственницы появился ребенок? — тут вытесняется.

П.: Что-то от Лолиты, но...

Психоаналитик считает, что сейчас не время высказывать пациенту что-то из своих рефлексивных размышлений. Пока пациент находится в свободно ассоциативном плавании, психоаналитику лучше следовать за проявлениями его регрессивного Я, удерживая свое собственное аналитическое расщепление: ассоциируя, фантазируя, переживая вместе с пациентом, сохраняя при этом активное аналитическое рефлексивное размышление.

Ш.: Но уже не детское, а что-то такое женское, и действительно, такое ощущение распускающегося цветка, который не замазан красками, не под масками, не какой-то. Хотя по лицу, я так лицо тоже рассматривал, какие-то может заботы там, глаза, видно, что она очки темные одела, не было видно. Тело очень... тело, может, дышало весной, было очень соблазнительное... я даже возбуждение какое-то почувствовал, вот и... в этом сне все не очень, она не похожа была, в этом сне главное, что другой образ... но вот это настроение вот этой..., понимаете, женщина как... она не то, что каждое слово — загадка, но женщина больше в какой-то выжидательной позе, когда, когда женщина или девушка. Я вот

так описываю и понимаю, что Вы-то ее не видели и что Вам там, думается, не понятно, когда вот... Вот на какой-то рай это смахивало и вот темные очки, то есть ни джинсы, ни лайкры, ни кожи, бус таких нет, помады *красной*, ни маникюра какого-нибудь ужасного, ничего такого не было... (пауза)... вот, знаете, я сейчас вспомнил «Весну» Боттичелли, не помню, как она точно называется, такая *девушка-весна*, понимаете... с рукой на картине, она подняла руку, и там какие-то птички пролетают и голубое небо... вот, понимаете, ощущение жизни, ощущение какого-то, не побоюсь сказать, женского начала, и оно было связано с этой девушкой в метро... (пауза)... все-таки мне было на самом деле пару раз... когда мне безумно хотелось познакомиться с девушкой...

Пациент может разрешить себе почувствовать возбуждение только при условии, что он будет находиться на безопасном расстоянии от объекта своего желания. В этом фрагменте два женских (материнских) образа снова встречаются («эта... и другой образ») и еще больше раскрываются в конфликтном внутреннем полилоге: «женщина или девушка», «красное или розовое», «агрессивно сексуальная или выжидательная», «жаркое лето или весна». Рефлексивное Я пациента на мгновение останавливает поток ассоциаций, чтобы проверить присутствие аналитика во внутреннем полилогическом пространстве: «Я вот так описываю и понимаю, что Вы-то ее не видели и что Вам там, думается, не понятно...». То, что «там думает» аналитик, не пугает пациента, и он продолжает раскрывать свой внутренний мир как перед лицом своего наблюдающего рефлексивного Я, так и аналитика.

*Ассоциации приводят к появлению «Весны» Сандро Боттичелли — аллегорической картины, наполненной образами юности, женственности, сексуальности. В дискурсе пациента возникает не реальная несущая в себе множество полилогических смыслов картина, а фантазийный образ-ассоциация, связанный с этой картиной — «девушка-весна», символизирующая для г-на Ш. притягательное женское начало. «Мне безумно хотелось познакомиться с девушкой...» — это, с одной стороны, предчувствие возможности (взрослой, не инфантильной) любви, ожидание прихода весны и сексуальности, но, с другой стороны, это и сопротивление, и защита от возможной встречи: «На самом деле **пару раз**... мне безумно хотелось...». Картина Боттичелли помогает лучше понять внутренний конфликт. Неосознанно выдвигая на передний план образ девушки-весны, г-н Ш. оставляет в тени рефлексии отражающую конфликт («женщина или девушка») динамическую полифонию скрытых смыслов картины Боттичелли. Пациент наделяет девушку-весну Боттичелли («девушка в метро») подростковыми качествами («Лолита», «розовое платье... ничего красного», «распускаю-*

щийся (но еще не распустившийся) цветок», «тело дышало весной»). «Очень соблазнительная...» девушка-девственница («уже не детское, а что-то такое женское...») — в картине Боттичелли это образ не Весны, а нимфы Хлориды, преследуемой Зефиром. Хлорида, одетая в воздушную, прозрачную одежду, со страхом смотрит на Зефира, потерявшего разум от дикой страсти. Согласно Овидию, Зефир силой овладевает Хлоридой, и в этот момент она превращается в Весну (Флору). Боттичелли гениально, я бы сказал, диалогически, отразил этот момент насильственного превращения девушки в женщину, показав зрителю два образа вместе: испуганную девушку и «цветущую» женщину. В глубине картины расположена освящающая происходящее Венера, богиня любви. Именно она в красном одеянии.

Психоаналитик спрашивает себя: почему пациент в своей фантазии именно так трансформировал картину, полностью убрав из нее агрессивно сексуальную мужскую фигуру, удалив сцену сексуального насилия, вытеснив основную идею «преображения» девушки в женщину, словно не заметив спокойного, удовлетворенного образа женщины, одетой в цветочное платье.

В рассказе пациента прослеживается прямо противоположная динамика: говоря о «преображении», он имеет в виду обратный процесс — превращение сексуальной женщины в девушку-весну.

Все это осталось за кулисами внутренней сцены г-на Ш. На освещенный рефлексией участок сцены он вывел только два женских образа: агрессивно сексуальный (красный) и девственный (розовый). Заглянув за кулисы, мы можем лучше понять разыгрывающуюся внутреннюю полилогическую драму г-на Ш. «Если я буду безумно хотеть познакомиться с девушкой и дам волю своему возбуждению (один образ детского Я), то я стану подобен сексуально агрессивному Зефиру (отцу), который насильственно превратил девушку-девственницу (один образ матери) в женщину (другой образ матери). Когда девушка становится женщиной, она попадает под чары Венеры и всегда будет хотеть сексуальных отношений. После этого мы с матерью уже никогда не будем принадлежать друг другу (другой образ детского Я)». Расщепляя женский (материнский) образ, г-н Ш. избавляется от собственного агрессивного сексуального желания, проецируя его на «женщину в красном». Таким образом он спасает «женщину в розовом» от своего (и отцовского) сексуального насилия. Избавившись от своей и отцовской сексуальности, он может, наконец, безопасно наслаждаться разглядыванием принадлежащего только ему женского образа.

Должен заметить, что эта зарисовка, конечно же, тоже только вершина конфликтного полилогического айсберга г-на Ш.

(Сеанс заканчивается.)

* * *

Все это были невысказанные вслух ассоциации и размышления психоаналитика в момент его работы с г-ном Ш. У читателя, разумеется, будут свои фантазии и мысли. Психоаналитик никогда не торопится высказывать вслух то, что ему пришло в голову, чтобы своими фантазиями или идеями не навязать собственные представления («психотерапевтические мифы») пациенту. Он старается следовать за внутренним ассоциативным процессом пациента, сохраняя свою эмпатическую и рефлексивную активность. Верны ли предположения аналитика, какая-то часть их или это все только его собственные мифы? Ответ на это может дать только регрессивный и рефлексивный процесс г-на Ш. Однако, чем богаче будет ассоциативный и смысловой контекст возникающего в ходе психоанализа интерполилога, тем больше новых смыслов этот контекст сможет порождать.

Выводы

Таким образом, мы показали, что метод микрорефлексивного анализа позволяет детально исследовать рефлексивную и полилогическую активность субъекта как на материале одной психоаналитической сессии, так и в ходе психоаналитического процесса.

Исследовав две сессии г-на Ш., мы выяснили, что по мере продвижения психоаналитической работы у пациента формируется терапевтическое рефлексивное расщепление Я на регрессивное и наблюдающее рефлексивное. Последнее постепенно путем идентификации осваивает психоаналитические функции размышления, понимания и анализа. Это помогает новому рефлексивному Я пациента переосмысливать прежние защитные способы рефлексии и подавления активности регрессивного Я.

От первой ко второй сессии мы видим возрастание активности как регрессивного, так и рефлексивного Я пациента. Большая ассоциативная свобода проявления регрессивного Я способствует развитию трансферентных переживаний, сконцентрированных на психоаналитике. Становясь важным играющим разные роли участником внутреннего полилога пациента, психоаналитик извне-изнутри способствует рефлексивному переосмыслению пациентом внутренних конфликтных взаимоотношений.

Возрастание активности рефлексивного Я пациента ведет к большему принятию пациентом ответственности за психоаналитический процесс. Психоаналитические функции все более симметрично распределяются между психоаналитиком и пациентом. Последний не просто

свободнее выражает себя, он все больше самостоятельно анализирует, размышляет и связывает. Это создает основу для формирования его будущей независимости от психоаналитика.

Микрорефлексивный анализ позволяет исследовать зарождение и развитие процесса смыслообразования, рождение нового смысла и его рефлексивное прораствание во внутренней реальности пациента.

Хочется надеяться, что вышеприведенный пример применения микрорефлексивного анализа поможет специалистам лучше понять, что собой представляет психоаналитический процесс и возможности его исследования. Таким образом, новое для отечественной психологии направление — психологическое исследование психоаналитического процесса — может эффективно развиваться и вносить свой вклад в психологическое знание о человеке.

Метод микрорефлексивного анализа принадлежит к качественным, а не количественным методам эмпирического анализа, следовательно, проводить его должен эксперт, в качестве которого может выступать как сам психоаналитик, так и независимый исследователь. Последний предпочтительнее, с точки зрения объективизации исследования. Первый, однако, делая исследование более субъективным, способен одновременно провести его на более глубоком уровне. Так как важной частью микрорефлексивного анализа является исследование влияния аналитика на регрессивную и рефлексивную динамику пациента, то только сам психоаналитик, выступая в качестве эксперта, может привести в исследование (субъективно) продукцию своего аналитического рефлексивного расщепления — результаты активности аналитического рефлексивного и эмпатического Я. Использование этого важного материала делает исследование менее объективным (многие скажут — полностью произвольным), но, с другой стороны, обогатит его новыми возможностями. Благодаря этому субъективному материалу, эмпирический материал расширяется за счет привлечения «внутреннего полилогического текста» психоаналитика. Это позволяет глубже исследовать механизмы и закономерности взаимодействия внешнего диалога и внутренних полилогов пациента и аналитика, взаимодействия рефлексивной и диалогической активности обоих участников психоаналитического процесса и, в конечном счете, исследовать роль аналитика в той или иной судьбе психоанализа с конкретным пациентом и его терапевтической эффективности.

Метод микрорефлексивного анализа может создавать основу для проведения количественных исследований. Например, в ходе осуществленного экспертом микрорефлексивного анализа может быть посчи-

тана динамика частоты проявления регрессивного и рефлексивного Я пациента, их корреляционная зависимость, корреляция между рефлексивной и внутрдиалогической активностью, корреляция между побуждениями к рефлексии со стороны психоаналитика и динамикой рефлексии пациента и т.п.

В заключение заметим, что метод микрорефлексивного анализа может также использоваться для *оценки эффективности* как психоанализа, так и психотерапии. Он был разработан на материале психоанализа, но в равной степени может быть применен и для исследования психотерапевтического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

- Россохин А.В. Рефлексивные аспекты аналитической позиции // Бытие и время психоанализа. М.: МГЛИ, 2000. С. 34—40.
- Россохин А.В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания: Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010. 304 с.

MICROFLECTIVE ANALYSIS OF INTER-CONSCIOUSNESS

A.V. ROSSOKHIN

The paper illustrates the original empirical method of microflective analysis of psychoanalytic process using two psychoanalytic sessions. The possibilities of the method in studying reflective and polylogue subjective activity are demonstrated. The author reviews the consequences of the use of microflective method by a counsellor or by an independent expert. The quantitative research possibilities based on the method are proposed, and its potential for evaluating the effectiveness of both psychoanalysis and psychotherapy is presented.

Keywords: microflective analysis, psychoanalysis, reflection, regressive dynamics, polylogue.

Rossohin A.V. Refleksivnye aspekty analiticheskoj pozicii // Bytie i vremja psihoanaliza. M.: MGLI, 2000. S. 34—40.

Rossohin A.V. Refleksija i vnutrennij dialog v izmenennyh sostojanijah soznanija: Intersoznanie v psihoanalize. M.: Kogito-Centr, 2010. 304 s.